

УДК 94(430)

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1990-е – НАЧАЛЕ 2000-х ГОДОВ

Р.Н. Имангалиев, Л.Р. Имангалиева

Аннотация

В статье рассматриваются основные факторы, вызвавшие в Германии в указанный период растущее внимание к региону Центральной Азии. Комплекс геостратегических, экономических и гуманитарных причин побуждал представителей политических и деловых кругов Германии активно вырабатывать формы и методы своей деятельности в этом весьма важном во всех отношениях районе Евразии, за влияние в котором борьба глобальных центров силы, несомненно, впредь будет только нарастать.

Крушение ялтинско-потсдамской системы миропорядка, связанное с развалом Организации Варшавского договора, и не менее динамичный процесс дезинтеграции Советского Союза ознаменовались возникновением ряда «вакуумных регионов». Поначалу ими стали Центральная и Восточная Европа и Прибалтика. Впоследствии, после развала СССР, их стало гораздо больше за счет бывших союзных республик. Новые государственные образования Закавказья и Центральной Азии стали привлекательными объектами для экономической и идеологической экспансии со стороны США, Китая и ряда государств Западной Европы, в том числе в определенной мере и со стороны Германии. Дезинтеграция ОВД и СССР позволили Германии, как ведущей экономической державе Европы, проявлять активность в регионах Центральной Азии, Каспия и Кавказа, энергоресурсы которых в новых условиях стали представлять стратегическое значение для нее и для интегрирующейся Европы. В целом, многообещающие богатства и коммуникационные возможности этих территорий превращают их в объект геополитических интересов многих стран мира. ФРГ, будучи одним из крупнейших геополитических игроков, конечно же, не могла остаться в стороне от процессов обретения своих позиций на этом пространстве, прежде всего в Центральной Азии, которая все больше оказывается в центре международных отношений.

Правда, в первой половине 1990-х гг. немецкие политики недостаточно уделяли внимания Центральной Азии. Германия была занята реконструкцией своих новых восточных земель, а также европейскими проблемами, прежде всего расширением Евросоюза и формированием единой внешней политики и политики в области безопасности.

Во второй половине 1990-х гг. в Германии начинают понимать, что она значительно отстает от других стран в освоении Центральной Азии. Если пра-

вительство Коля/Кинкеля проявляло мало интереса к этому региону, в том числе к региону Каспийского моря, то инициатива в этой сфере перешла к оппозиции – СДПГ, которая уже в 1998 г., накануне своего прихода к власти, подготовила программный документ «Каспийское море – регион будущего?» Однако отсутствие опыта деятельности в этом крае, осложнение обстановки на Балканах и на Ближнем Востоке, политическая нестабильность в России отвлекли немецкие внешнеполитические ресурсы от Центральной Азии. Берлин оказался политически и психологически неподготовленным к нарастанию кризиса в Центральной Азии в 2000 г., когда в три государства региона – Таджикистан, Киргизию и Узбекистан – вторглись вооруженные исламисты.

В последующие годы политика ФРГ в отношении Центральной Азии характеризовалась нарастающим интересом. «Развитие сотрудничества с государствами Средней Азии является одним из приоритетов внешней политики Германии и Европейского Союза», – заявил на проведенном в Берлине Немецким Обществом восточноевропейских исследований круглом столе один из руководителей отдела Кавказа и Центральной Азии Министерства иностранных дел ФРГ Титмар Бахман. По его словам, после 11 сентября 2001 г. стало ясно, что от стабильности этого региона зависит и безопасность Европы. При этом немецкий дипломат особо отметил, что Германия и Евросоюз заинтересованы в бесперебойных поставках энергоносителей из стран Центральной Азии. Правда, Берлин крайне обеспокоен проявлениями авторитаризма правящих в среднеазиатских республиках режимов, а также имеющими место нарушениями прав человека. В связи с этим правительство ФРГ, отмечает Титмар Бахман, приняло в марте 2002 г. специальную концепцию развития отношений с государствами региона. Эта концепция – единственная в своём роде. Она отражает политику всего федерального правительства, а не одного из отдельных ведомств, в отношении одного из регионов мира. Концепция предполагает всестороннюю поддержку демократических преобразований и экономических реформ в центральноазиатских республиках. По словам Титмара Бахмана, подобные шаги должны лишить действующие в регионе террористические ячейки питательной среды. Кроме того, это, скорее всего, снизит риск возникновения междоусобных конфликтов.

В Берлине, после террористических атак 11 сентября 2001 г. в США, усилилось понимание того, что безопасность Европы взаимосвязана с ситуацией в Центральной Азии. ФРГ заинтересована в поддержании стабильности и безопасности, снижении конфликтного потенциала в регионе и готова оказать необходимое содействие центральноазиатским странам в проведении социально-экономических реформ, разрешении экологических проблем, в борьбе с терроризмом и организованной преступностью, поделить опытом европейской интеграции. В немецком обществе проявляется все больший интерес к существующим в Центральной Азии региональным структурам, прежде всего ШОС.

Сближение России и Китая и создание на базе Шанхайской пятерки Шанхайской организации сотрудничества вызвало беспокойство Европы. 31 августа 1999 г. в Германском обществе внешней политики в Берлине официально было заявлено, что *Германия проявляет интерес к Центральной Азии, особенно в плане обеспечения ее безопасности.*

Процессы и события в Центральной Азии и СНГ в целом рассматривались в Европе на фоне возникновения двух блоков внутри Содружества – один во главе с Россией на основе Договора о коллективной безопасности (Ташкентский договор от 15.05.1992), другой – в составе Грузии, Азербайджана, Украины, Узбекистана, Молдавии. Различия двух блоков особенно проявились после юбилейного саммита НАТО в апреле 1999 г., когда Вашингтон поощрил формирование антироссийской группировки внутри СНГ. Переориентация в тот момент Узбекистана от России к НАТО и его выход из оборонного договора СНГ свидетельствовали о том, что тогда Ташкент не верил в способность Москвы гарантировать его безопасность, а также о его опасениях в отношении возрождения имперских амбиций России [1]. Немецкие эксперты сделали вывод, что узбекский президент И. Каримов поторопился выйти из Ташкентского договора, так как в тот момент только Россия могла обеспечить реальную военную защиту региона [2]. В то время министр по экономическому сотрудничеству и развитию ФРГ Х. Вичорек-Цойль заявила, что интересы Германии в Центральной Азии заключаются в стабилизации центральноазиатского региона, налаживании с ним культурного и экономического обмена. Приоритеты Германии были определены в таких областях, как авиасообщение, телекоммуникации и развитие инфраструктуры. Тогда же было заявлено, что ФРГ будет координировать свою центральноазиатскую политику с США [3].

В сентябре 1999 г. президент Кыргызстана А. Акаев посетил Германию с официальным визитом. Основной целью этой поездки стала реклама концепции Шелкового пути, в котором он видел роль своей республики как транзитного государства, своеобразного моста между Японией и Китаем с одной стороны, и Россией и Европой с другой. Киргизского лидера больше интересовали вопросы экономического сотрудничества, в то время как Германия проявляла беспокойство в связи с такими проблемами, как нарушение прав человека в Киргизии и свертывание демократии, укрепление мафиозных кланов в экономике, бесконтрольный провоз наркотиков через киргизскую территорию и растущая исламская угроза с юга. ФРГ, которая оказала существенную финансовую и техническую помощь Кыргызстану в первые годы независимости, была недовольна развитием событий в этой республике.

В том же сентябре 1999 г. проблема вторжения исламских боевиков в Кыргызстан рассматривалась в Германском Бундестаге, так как ряд депутатов был озабочен судьбой этнических немцев, проживавших в районах, подвергшихся агрессии. МИД ФРГ предложил даже провести срочную эвакуацию немецкого населения. Ситуация осложнялась также тем, что среди заложников, захваченных боевиками, были немецкие альпинисты.

В связи с проблемой урегулирования ситуации в Таджикистане в декабре 1999 г. Фонд им. Фридриха Эберта (СДПГ) организовал круглый стол с участием представителей правительства и объединенной оппозиции. Основной целью Берлина была определена поддержка мирного процесса в этой республике. Стабилизация Таджикистана имела бы самое положительное значение для его соседей – Кыргызстана и Узбекистана.

В конце 1999 г. эксперты из Федерального института восточноевропейских и международных исследований в Кельне подготовили доклад, в котором ана-

лизировалась ситуация в Узбекистане. Они пришли к выводу, что Узбекистан оказался вовлечен в геополитическую борьбу вокруг ресурсов Каспийского моря и Центральной Азии, что режим И. Каримова сам способствует усилению политической оппозиции, которую он своими репрессивными действиями загоняет под исламские знамена. Негативные процессы усиливались благодаря экономическому кризису, который принимал в Узбекистане все более острые формы с 1996 г. Немецкие эксперты указали, что центральным пунктом внутриузбекистанского противостояния является Ферганская долина, где в концентрированном виде обострились все политические, социальные и экономические проблемы Узбекистана. Перед немецкими политиками была поставлена дилемма: или продолжать критиковать режим Каримова из-за его полностью нетолерантной политики в отношении любой оппозиции и антирыночного экономического курса, или оказать поддержку Ташкенту в борьбе против исламской угрозы. Последующие события показали, что Германия, ЕС и в целом Запад стали склоняться ко второму варианту.

Этим настроениям способствовали выступления европейских и немецких политических деятелей. Так, например, депутат Германского Бундестага (СДПГ) Г. Шеер, указав, что в настоящее время идет жестокая борьба за контроль над ресурсами Каспийского моря и это важно для обеспечения энергетической безопасности Запада, заявил, что если Западу удастся навязать маршрут нефтепровода Баку-Джейхан, то это приведет к выходу государств региона, в первую очередь Казахстана и Туркменистана, из-под российского влияния. Шеер также подчеркнул, что Россия, Китай и Индия пытаются создать новый фактор силы в противовес Западу за влияние в Центральной Азии [4].

В. Виммер (ХДС) – другой депутат Бундестага и одновременно вице-президент Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, отметил (май, 2000 г.), что Китай с тревогой наблюдает, как США превращаются в крупнейшего инвестора в Центральной Азии, прежде всего в Казахстане. Участие КНР в Шанхайской пятерки (со вступлением в нее в 2001 г. Узбекистана была преобразована в Шанхайскую организацию сотрудничества) имеет целью также создание в Центральной Азии совместно с Россией противовеса Соединенным Штатам. Таким образом, в регионе представлены все крупные державы, лавировать между которыми чрезвычайно сложно. Самое сложное положение в Центральной Азии у Казахстана. Ведь он должен стараться поддерживать стабильные отношения со всеми геополитическими игроками.

Слабостью европейской и особенно немецкой политики в Центральной Азии в 1990-е гг. было отсутствие собственного реального представления о процессах в регионе – Бонн зачастую пользовался информацией и анализом Вашингтона. Это было нетерпимо. Особенно после того, как, по мнению немецких наблюдателей, с приходом к власти в Кремле В.Путина усилилась угроза возрождения неоимперских притязаний России. США, Китай и европейские государства начали проявлять озабоченность центростремительными тенденциям на постсоветском пространстве. Речь шла, по словам Виммера, прежде всего о поддержке суверенитета Казахстана. Другой важный момент, на который обратил внимание немецкий политик, был связан с тем, как в Европе относятся к разногласиям между Казахстаном и Узбекистаном. В рассматри-

ваемый нами период в Европе считали, что узбекский лидер И. Каримов в большей степени ориентируется на США, чем Казахстан. Высказывались опасения, что возможный конфликт между двумя центральноазиатскими государствами может быть использован внешними силами.

В 2000 г. наметилась тенденция к росту обеспокоенности и озабоченности в Европе, в том числе в Германии различными угрозами, исходящими из Центральной Азии, – наркотрафиком, нелегальной миграцией, ростом социальной напряженности, сворачиванием демократических процессов, установлением в некоторых республиках откровенных диктатур и ростом в них угрозы экономического коллапса и, наконец, выходом на сцену радикального и воинственного ислама, поддерживаемого заинтересованными силами извне и питаемого внутренней нестабильностью.

После повторения летом 2000 г. событий в Центральной Азии, связанных с вторжением исламских боевиков в Кыргызстан и Узбекистан, в Европе с тревогой начали наблюдать за развитием событий в регионе. Объектом внимания стали президентские выборы в Киргизии в октябре 2000 г. Они вызвали разочарование политических кругов Европы. Особенно острой критике подверглась политика А. Акаева, продемонстрировавшая, что он преследует своих политических оппонентов и фактически создал авторитарный режим, причем эта критика исходила в основном из Германии. В то же время, несмотря на свое критическое отношение к режиму Акаева, Берлин пришел к необходимости оказать военно-техническую помощь киргизской армии, продемонстрировавшей свое бессилие в боях с исламистами. Помимо ФРГ готовность оказать помощь в подготовке боеспособных альпинистских формирований и в их техническом оснащении высказали другие европейские государства, в том числе Швеция, а также Швейцария и США. Техническое перевооружение киргизской армии оплачивалось в основном за счет бюджета ЕС. В то же время была достигнута договоренность о продаже Францией оружия Узбекистану.

Ташкент активизировал свою европейскую политику в 2001 г. Это отчетливо проявилось в ходе визита И. Каримова в ФРГ весной 2001 г. Узбекский лидер подписал серию документов о сотрудничестве с Германией, аналогичных уже существовавшим к тому времени между ФРГ, Казахстаном и Кыргызстаном. В Берлине тогда оценили политику Каримова как стремление превратить Узбекистан в регионального лидера. Однако немецкая сторона прекрасно понимала, с какими трудностями сталкивается экономика Узбекистана. Цифры говорили сами за себя: внешнеторговый оборот Узбекистана упал на 40% за период с 1996 по 2000 гг. Удручающая ситуация наблюдалась также в сфере инвестиций: Узбекистан занимал предпоследнее место по уровню иностранных инвестиций среди стран СНГ.

Административно-бюрократическая система этой республики тормозила малейшие позитивные сдвиги. От сложившейся системы в валютно-финансовой сфере Узбекистана выигрывали влиятельные кланы, взявшие под свой контроль различные области экономики. По немецким оценкам, их доходы от валютно-финансовых операций достигали 300%.

Представитель МВФ в Ташкенте, немецкий финансист К. Розенберг отмечал, что программа Фонда по поддержанию узбекского сума была приостанов-

лена в 1996 г., когда Узбекистан перестал выполнять свои обязательства перед МВФ и запустил печатный станок. По мнению К. Розенберга, если И. Каримов не согласится с требованиями МВФ по оздоровлению своих финансов, эта организация может пойти на закрытие своего бюро в Ташкенте и свертывание сотрудничества с Узбекистаном, как это уже имело место в Туркменистане и Белоруссии. Звучавшие тогда заявления узбекского президента о том, что «его страна пойдет своим собственным путем», расценивались МВФ и иностранными инвесторами как продолжение прежней политики, характеризующейся бесконтрольным господством различных группировок и кланов в ряде ключевых областей экономики [5].

Немецкие политологи писали, что режим И. Каримова держится исключительно благодаря проведению репрессивной политики в отношении оппозиции при опоре на тайную полицию. В стране полностью отсутствует свобода СМИ. Однако тревожные тенденции в экономике Узбекистана и сложившаяся ситуация в области демократии и прав человека с 1999 г. были заслонены в глазах мировой общественности угрозой со стороны исламских радикалов. Ведь режим И. Каримова представлял себя на международной арене в качестве основного, если не единственного, оплота в Центральной Азии против исламской угрозы.

Узбекистан в начале XXI в. располагал самыми крупными вооруженными силами в регионе – 70 тыс. чел. На переговорах в Берлине И. Каримов поставил перед немецкой стороной вопрос об оказании Узбекистану германской военно-технической помощи. В это время Федеральная криминальная служба (ФКС) Германии стала поддерживать контакты с узбекской стороной по борьбе с наркотиками, также как и немецкая разведка БНД, которая была чрезвычайно озабочена потенциальной угрозой возникновения крупного конфликта в регионе. Кроме того, ФРГ оказывала помощь Узбекистану через ФКС для технической поддержки его пограничной службы. Но регулярные просьбы Ташкента о поставках оружия немецкой стороной отклонялись. Такой же позиции придерживались США и Великобритания. Немецкие эксперты обращали внимание на то, с каким упорством И. Каримов уклонялся от более тесного сотрудничества в военной сфере с Москвой. Узбекский президент в категоричной форме отказался от предложения России послать в Узбекистан своих военных специалистов. Немецкие аналитики характеризовали состояние узбекско-российских отношений к началу 2000-х гг. как тяжелое.

В Берлине не возникало сомнений по поводу существования в регионе угрозы воинствующего исламизма. При этом, по мнению немецких экспертов, режим И. Каримова сам способствует ее эскалации. Согласно докладу Европейского Банка, существует прямая зависимость между вызываемой политикой государства бедностью, которая принимает все больший размах, и растущей популярностью исламских группировок. Официальная политика Ташкента по созданию «национально-государственного ислама» ассоциировалась у населения с авторитарным режимом и толкала недовольных в ряды религиозно мотивированной оппозиции. Центром исламской оппозиции, безусловно, являлась Ферганская долина. Однако помимо этого Ферганская долина представляет со-

бой крупный перевалочный пункт на пути наркотиков из Афганистана на внешние рынки.

Отказ Берлина от прямого сотрудничества с Ташкентом в военной области – как и других западных держав – не оставил И. Каримову выбора и заставил его развивать сотрудничество в военной области с Россией (что мы и увидели на прошедшем в начале октября 2005 г. саммите в Санкт-Петербурге). Некоторые немецкие эксперты из отказа Берлина продавать Ташкенту оружие делали вывод, что Узбекистан заработал плохую репутацию из-за своей агрессивной внешней политики в отношении соседей, прежде всего Таджикистана и Кыргызстана. Берлин был озабочен растущей угрозой крупного конфликта в центральноазиатском регионе. Помимо того, в начале 2000-х гг. немецкая разведка и силы безопасности Германии предпринимали усилия по развитию программы, которая блокировала бы поставки наркотиков из Афганистана через Центральную Азию и Россию в Европу [6].

В феврале 2001 г. немецкая разведка БНД подготовила доклад, в котором прогнозировалась ситуация в центральноазиатском регионе на 2001 г. У немецких экспертов, которые оперировали данными о закупке исламистами в Европе средств мобильной связи и другой техники для ведения оперативной связи в военно-полевых условиях, не вызывало сомнений, что Исламское движение Узбекистана готовит широкомасштабное наступление весной-летом 2001 г.

В связи с этим выражалась озабоченность тем, что Россия не сможет самостоятельно справиться с наступлением исламистов в Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане. Эта проблема обсуждалась в ходе визита министра иностранных дел ФРГ Й. Фишера в Москву в феврале 2001 г. Фишер довел до Кремля серьезную озабоченность Берлина развитием ситуации в Центральной Азии. Немецкая сторона сделала вывод, что исламисты стремятся укрепить свое положение в центральноазиатском регионе с целью расширения поставок наркотиков по всей Европе [7].

К 2001 г. позиция ФРГ в отношении региона Каспийского моря и Центральной Азии оформилась более отчетливо. Накануне визита Й. Фишера в 2001 г. в Центральную Азию в газете «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» был опубликован меморандум руководителя департамента планирования МИД ФРГ А. Шмиллена, в котором было сформулировано *немецкое видение европейских интересов в центральноазиатском регионе* [8].

Германский МИД исходит из того, что примерно к 2015 г. границы НАТО и ЕС будут вплотную прилегать к России, а Украина будет вовлечена в стратегическое партнерство с этими организациями на различных уровнях. В этих условиях Европа особенно обеспокоена сохранением стабильности в России и Центральной Азии. Примерно к этому же времени ожидается истощение энергетических ресурсов Северного моря. А. Шмиллен исходит из того, что любая нестабильность в Центральной Азии будет в недалеком будущем иметь прямые последствия для Европы, а также и других международных акторов.

По мнению А. Шмиллена, Москва в регионе преследует две цели: 1) защитить русское население; 2) взять под свой контроль энергетические ресурсы и транспортные коридоры. Для Китая самой важной задачей является предотвращение распространения фундаменталистских течений в Синьцзяне. Кроме того,

Китай также заинтересован в стабильности будущих трубопроводов и транспортных путей и намерен диверсифицировать свой импорт углеводородов.

Турция по-прежнему рассматривается Германией как естественный партнер центральноазиатских и кавказских республик и как одна из ведущих региональных держав, а также как мост между Центральной Азией и ЕС. Однако ее финансовые и технические возможности в регионе ограничены объективными факторами.

А. Шмиллен считает маловероятным, что в будущем в Центральной Азии сможет доминировать какая-либо конкретная держава. В то же время экономическое, политическое и стратегическое значение региона будет возрастать. Германия исходит из того, что политика в Центральной Азии должна строиться с учетом интереса всех заинтересованных сторон. ФРГ и ЕС заинтересованы прежде всего в установлении стабильности в регионе. По мнению Берлина, для стабилизации региона необходимо участие других держав – России, Китая и США. Практической целью ЕС является диверсификация своего нефтегазового импорта путем вовлечения энергетических ресурсов Центральной Азии в европейскую энергетическую систему. Другой целью является блокирование наркотрафика, который проходит из Афганистана через центральноазиатский регион, а также путей для распространения организованной преступности и международного терроризма.

Для этого, считает А. Шмиллен, ЕС и Германия должны внести свой вклад в укрепление центральноазиатских государств, поддерживая региональную кооперацию, обеспечение им доступа к мировым рынкам и помощь в решении гуманитарных, социальных и экологических проблем. Это требует от Европы непосредственного политического вовлечения в региональную политику. ЕС должен участвовать в строительстве в регионе нефтегазовой промышленности и инфраструктуры, многовариантной системы трубопроводов с участием российской стороны.

Однако интересы ЕС в каспийском регионе относятся не только к нефти, но и к газу. Немецкие эксперты исходят из того, что соединению каспийского пространства с европейской газовой системой нет альтернативы. При этом немецкие аналитики исходят из того, что участие государств региона в ОБСЕ, Европейской Энергетической хартии и соглашениях о партнерстве и сотрудничестве с ЕС создают им такую степень привязанности к Европе, которой страны Персидского Залива не располагают. Все это придает каспийской проблеме ярко выраженный европейский характер.

Таким образом, европейские подходы и интересы в Каспийском регионе, как представляют в Берлине, состоят в следующем: отделение собственно европейских интересов от американских и разработка специальной европейской стратегии; привязывание Кавказа и Каспийского региона к Европе в качестве более привлекательной альтернативы, чем ОПЕК; вовлечение Европы в решение конфликтов в регионе, насколько возможно с участием России с целью создания здесь равных конкурентных возможностей и условий для сотрудничества; активная поддержка транспортной инфраструктуры по линии Восток-Запад и особенно газовой сети для связывания ресурсов региона, включая Иран, через Турцию с европейским рынком; выработка европейской позиции в

отношении проекта магистральных трубопроводов из Каспийского региона в Европу; совмещение национальных интересов различных стран ЕС в регионе в рамках единой европейской внешней политики и политики в области безопасности.

Еще одним свидетельством повышением интереса со стороны Берлина к Центральной Азии явились публикации немецких политологов, посвященные проблемам государственного строительства, демократии и политического плюрализма в республиках Центральной Азии.

Как считает эксперт из Института ориенталистики университета Галле Беата Эшмент, надежды, которые Запад возлагал на начавшийся в начале 1990-х гг. процесс демократизации, не оправдались. По её словам, демократические реформы в большинстве в центральноазиатских республиках бывшего СССР были свёрнуты, а направляемая в регион финансовая помощь часто использовалась не по назначению. Как считает немецкий эксперт, ситуация в странах региона развивалась и развивается примерно по одному и тому же сценарию. Так, в начале и середине 1990-х гг. там прошли президентские выборы, которые, по единодушному мнению западных наблюдателей, не были демократичными. Причём почти все избранные тогда лидеры смогли сохранить и даже укрепить свою власть, инициировав внесение соответствующих поправок в конституцию. Евросоюзу следует вести здесь более активную политику, считает Беата Эшмент. Тем не менее она указывает на то, что поддержка оппозиционных сил в регионе должна носить избирательный характер: необходимо иметь в виду, что не каждый, кто высказывается критически по отношению к правящему режиму, является демократом и заслуживает поддержки со стороны Запада. Оппозиция в центральноазиатских республиках разобщена, это связано с преследованиями со стороны властей. Если свободное выражение мнения ведет за решетку либо к вынужденной эмиграции, то, спрашивается, откуда взяться политическому опыту, необходимому для управления государством? В то же время руководитель германского Общества содействия развитию демократии в Центральной Азии Михаэль Лаубш полагает, что в вопросах углубления сотрудничества ФРГ со странами региона имеется ещё значительный потенциал: немецкая политика в Центральной Азии слишком однобоко концентрируется на чисто экономических вопросах.

Возникновение и укрепление авторитарных режимов в Центральной Азии немецкими аналитиками если не оправдывается, то, во всяком случае, объясняется объективными причинами. Авторитарные модели в их различных вариациях в Центральной Азии выглядят как объективное и неизбежное явление. Запад беспокоит другое – повсеместная деградация политических партий. Все законодательства республик Центральной Азии имеют те или иные ограничения на деятельность политических партий и общественных организаций. На укрепление авторитарных моделей в Центральной Азии, как считают немецкие эксперты, в свое время повлияли три основных фактора: 1) многонациональный состав населения; 2) угроза исламского фундаментализма; 3) отсутствие демократических традиций. В ходе строительства национальных государств у народов, которые фактически не имели собственного опыта в этом деле, возникновение авторитаризма стало естественным процессом. То есть Централь-

ная Азия повторила путь всех государств третьего мира. Главной проблемой для региона в ближайшем будущем, по мнению немецких аналитиков, станет форма и способ передачи власти в этих государствах [9].

Немецкие политологи уделяли также большое внимание внешнеполитической ориентации центральноазиатских государств и геополитической борьбе вокруг региона. Тот факт, что Европа держится в стороне от геостратегических игр вокруг Каспийского моря, по мнению М. Штюрмера, диктуется не мудростью, а просто отсутствием продуманной стратегической перспективы [10–12]. Фактически, речь идет не просто о контроле над энергоресурсами этого региона, а о будущем западных индустриальных демократий. Борьба также идет за право формировать цивилизационное лицо региона и определять его геополитическую ориентацию. Общий тон германских публикаций по этому вопросу сводится к тому, что Запад, в том числе Европа, должен активнее действовать в регионе, если он не хочет, чтобы центральноазиатские государства остались наедине с Москвой [13].

Ведущий немецкий институт в области внешней политики – Германское общество внешней политики – разработал для своего правительства концепцию т. н. Стабилизационного пакта для Каспийского моря. Он состоит из трех элементов: 1) создание сети транспортных коммуникаций по линии Восток-Запад как противовеса существующим двести лет путям Север-Юг; 2) укрепление демократий и рыночной экономики в новых независимых государствах региона; 3) переход от геополитики к экономической экспансии. При этом авторы вполне отдают себе отчет в том, что такая политика вошла бы в противоречие с американской стратегией «двойного сдерживания» против Ирана и России. К тому же ЕС желает смягчить стратегические последствия расширения НАТО на восток и превратить программу «Партнерство во имя мира» в стабилизационный инструмент и возможность для развития сотрудничества с Россией. Таким образом, немецкие политологи в начале 2000-х гг. подталкивали своих политиков к более активной позиции в Центральноазиатском регионе в интересах не только Германии, но и всего Европейского Союза. Их настойчивость исходила из понимания того факта, что ЕС значительно отстал в утверждении своих политических и экономических интересов в данном регионе от других центров силы [14].

В этом же духе следует рассматривать выступления в печати руководителя штаба по планированию МИД ФРГ А. Шмиллена. Накануне визита Федерального министра иностранных дел в Центральную Азию в 2003 г. вышла очередная его статья. Она стала подтверждением того, что Берлин уже имеет достаточно ясно сформулированные политические интересы в центральноазиатском и каспийском регионах, которые он характеризовал как общеевропейские. Таким образом, Европейский Союз, в формировании внешнеполитической стратегии которого большую роль играет ФРГ, должен был становиться одним из участников «Большой игры» в Центральной Азии и в регионе Каспийского моря.

В начале XXI в. Германия приступила к укреплению своих позиций в центральноазиатском регионе. Наметилась новая тенденция в германской внешней политике в Центральной Азии: поиск и выбор на будущее потенциальных стратегических партнеров ФРГ в этом регионе. В Центральной Азии Берлин скло-

няется сделать акцент на Казахстане, считая, что эта республика представляет собой самое стабильно развивающееся государство Центральной Азии.

В результате проведенной США операции в Афганистане и создания ими своих баз в Центральной Азии в 2001–2002 гг. Евросоюз, а вместе с ним и Германия, конечно же, фактически утратили геополитическую инициативу в Центральной Азии, которую начали набирать в конце 1990-х – начале 2000 гг. В ближайшем будущем для безопасности Центральной Азии большое значение будет иметь процесс геополитической ориентации Европы: или она останется преобладающе атлантической (НАТО и США), или начнет приобретать евразийский характер (СНГ, Россия, Каспийский регион, Центральная Азия).

Визит германского канцлера Г. Шредера в Казахстан в декабре 2003 г. продемонстрировал, что Европа, несмотря на временное отступление, не забывает о своих интересах в регионе. Берлин тогда подтвердил, что Германия намерена отстаивать европейские интересы на Каспии и во всей Центральной Азии [15].

Итак, начало нового века характеризуется повышенным интересом ФРГ к Центральной Азии. Ситуация вокруг Центральной Азии перерастает в проблему обеспечения безопасности не только самого региона, но и всего СНГ, Европы и Запада.

Тенденция к росту обеспокоенности различными угрозами, исходящими из Центральной Азии, – наркотрафиком, нелегальной миграцией, ростом социальной напряженности, сворачиванием демократических процессов, ростом в некоторых республиках угрозы экономического коллапса и т. д. – как раз к этому и побуждает. В целом, ФРГ и ЕС безусловно стремятся быть мощным стабилизирующим фактором в мире, что подтверждается, к примеру, на Ближнем Востоке. Таким образом, геополитическое укрепление ЕС и усиление его влияния на Центральную Азию через интенсификацию экономического, политического и институционального сотрудничества в будущем можно рассматривать как позитивный процесс.

Итак, к началу XXI столетия основные направления внешнеполитической деятельности Федеративной Республики Германия в Центральной Азии выглядят следующим образом:

- 1) определение совместных с государствами Центральной Азии мероприятий, направленных на борьбу с наркотрафиком и организованной преступностью;
- 2) область добычи и транспортировки углеводородов;
- 3) поставка и сервисное обслуживание хозяйственной техники немецкого производства;
- 4) в сфере культурного и образовательного обмена предусматривается открытие дополнительных возможностей для ознакомления граждан Казахстана с системой образования, библиотечными фондами, налаживание тесных связей с научно-исследовательскими структурами.

В качестве долгосрочной перспективы в Германии допускается, что на пространстве СНГ возможно создание в некой форме Евразийской конфедерации в составе 5–10 государств, в которой основную центростремительную функцию будут играть Россия и Казахстан. Прообразом такой конфедерации является ЕврАзЭС. Эта конфедерация уже вполне сможет претендовать на роль геополитической.

литического центра силы первого порядка. Главным условием выживания этой возможной геополитической единицы станет ее сближение с Европой, Европейским Союзом, в первую очередь с Германией и Францией.

Summary

R.N. Imangaliev, L.R. Imangalieva. The development of German policy in Central Asia in the 1990's – beginning of 2000's.

The article is devoted to the basic factors that caused growing interest in Germany to the region. Complex of geostrategic, economic, humanitarian reasons had induced political and business establishment of Germany to work out actively the forms and methods of their activity in this very important in every respect region of Eurasia, and struggle for influence in the region between world centers of power will undoubtedly only rise.

Источники и литература

1. Spiegel (Hamburg). – Nr 27, 1999.
2. OXUS (Frankfurt a.M.). – June, 1999.
3. Frankfurter Allgemeine Zeitung (Frankfurt a.M.). – 12.06.1999.
4. Die Welt (Berlin). – 31.01.2000.
5. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 02.04.2001.
6. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 11.04.2001.
7. Der Spiegel. Nr 15/2001.8.22–23.
8. Die Welt. – 15.02.2001.
9. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 15.05.2001.
10. *Wittschorek P.* Praesidentenwahlen in Kasachstan – 1999. Discussion Paper. – Bonn: ZEI, 1999. – Nr 38.
11. *Luchterhandt O.* Die Verfassung der Republik Kasachstan von 1995 // Jahrbuch des oeffentlichen Rechts der Gegenwart. Neue Folge / Band 47. Hrsg. Von P. Haeberle. – Hamburg: Mohr Siebeck, 1999. – S. 607–654.
12. *Halbach U.* Das Regime der Praesidenten // Entwicklung und Zusammenarbeit. 40. Jg / 1999. – Nr 2. – S. 39–41.
13. Die Welt. – 17.02.2003.
14. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 13.02.2001.
15. Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 18.12.2003.

Поступила в редакцию
03.10.05

Имангалиев Равиль Наурузгалиевич – доктор исторических наук, доцент кафедры международных отношений Казанского государственного университета.

Имангалиева Лилия Равилевна – дипломник кафедры международных отношений Казанского государственного университета.